

18+

ЕВГЕНИЯ ОСАДЧАЯ

МАРМЕЛАДНАЯ ГИЛЬДИЯ

Евгения Осадчая

Мармеладная гильдия

«Издательские решения»

Осадчая Е.

Мармеладная гильдия / Е. Осадчая — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Создан мармелад, способный переписывать законы
физики, одна долька способна менять эмоции. Теперь от одного укуса зависит
судьба человечества.

© Осадчая Е.

© Издательские решения

Мармеладная гильдия

Евгения Осадчая

© Евгения Осадчая, 2026

ISBN 978-5-0070-8453-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дождь в Старом городе пах мокрым асфальтом и озоном. Капли сбегали по стеклу витрины магазина «Мармеладная гильдия», искажая неоновые буквы, которые обещали вкус абрикоса из Прованса и терпкость облепихи с Алтая.

Внутри царила приторная тишина. Я стоял у прилавка, сжимая в кармане удостоверение частного детектива, которое грело ладонь сквозь ткань пальто. Заказчик — пожилая дама, наследница кондитерской империи — был лаконичен: «Мой брат исчез три дня назад. Последнее место, где его видели — этот магазин. Найдите рецепт». — Рецепт? — переспросил я тогда. — Рецепт мармелада «Абсолютное забвение», — ответила она, и ее голос дрогнул. — Он хранился только в голове моего брата.

Продавец за стойкой походил на мумию. Бледный, с идеально ровным пробором, он расставлял банки со стеклянными крышками. На каждой этикетке каллиграфическим почерком было выведено название эмоции: «Тихая грусть дождливого утра» (прозрачно-серый), «Первая школьная влюбленность» (мятно-розовый), «Злорадство соседа» (ядовито-зеленый). — Чем могу помочь? — спросил продавец голосом, лишенным всяких интонаций. — Ищу хозяина. Арсения Воронова. Продавец едва заметно дернул уголком губ. Это нельзя было назвать улыбкой. Скорее, трещиной на фарфоре. — Господин Воронов отошел от дел. Магазином управляю я. Меня зовут Ян. Желаете попробовать?

Он пододвинул ко мне серебряную ложечку и блюдце с кубиком цвета запекшейся крови. — «Ностальгия по несбывшемуся», — отрекомендовал Ян. — Выдержка пять лет. Букет раскрывается нотами пыли старой библиотеки и сожалений о несказанных словах. Я покачал головой. — Мне нужен ваш шеф-кондитер. Дело касается пропажи рецепта. Ян аккуратно закрыл банку. — У нашего мармелада нет рецептов, господин сыщик. Есть формулы состояний. Каждая партия уникальна. Если формула утрачена вместе с мастером, воссоздать ее невозможно. Химия здесь бессильна. Нужна душа.

Я обошел торговый зал. Полки уходили под самый потолок, теряясь во мраке. Здесь были тысячи вкусов, но ни одного знакомого с детства — никаких лимонных долек или яблочных колец. Только сложные, пугающе точные чувства. Банка «Одиночество в толпе» светилась тусклым больничным светом. Желе внутри нее пульсировало, словно живое сердце.

На полу, между стеллажами с надписью «Утраченные воспоминания», блеснуло стекло. Осколок высокой реторты. А рядом — крошечная лужица застывающего сиропа цвета грозового неба. Пахло озоном еще сильнее, чем на улице, и жженой карамелью. Я поднял осколок. На нем была выгравирована цифра семь. — Ваш инвентарь пострадал, — заметил я, возвращаясь к стойке. — Случайность, — ответил Ян, протирая прилавок. — Мы закрываемся через десять минут. Дождь усиливается.

Когда он отвернулся, чтобы повесить табличку «Закррито», я нырнул за штору, скрывающую служебную дверь. За ней начиналась крутая винтовая лестница, ведущая в подвалы Старого города. Воздух внизу был густым, сладким до тошноты.

Лаборатория напоминала алхимическую. Медные змеевики оплетали стены, колбы бурлили жидким огнем всех цветов радуги. И в центре комнаты стояла огромная центрифуга,

заполненная переливающимся перламутром. А внутри нее, прижатый к стеклу изнутри, расплюснутым лицом наружу висел человек. Его глаза были широко открыты, а рот застыл в беззвучном крике. Это был Арсений Воронов. Мармелад медленно переваривал его, растворяя дорожку шерсть костюма и кожу, превращая человека в однородную массу.

Дверь наверху лязгнула. — Вы нашли то, что искали? — голос Яна звучал прямо над ухом. Я резко обернулся, выставив вперед руку с осколком реторты. Но в проеме лестницы никого не было. Иллюзия. Обман чувств.

— Формула «Абсолютного забвения» — это миф для впечатлительных клиентов, — произнес Ян, теперь стоя прямо передо мной. В руках он держал медный половник, от которого шел пар. — Моего создателя погубила жадность. Он хотел продать формулу военным. Мармелад, стирающий личность без следа, оставляя лишь послушную оболочку. Идеальный агент. Идеальное оружие. — Ты не Ян, — догадался я. — Ты просто... масса. — Я — идеальный баланс, — поправил он. — Когда Арсений понял, что натворил, он попытался уничтожить записи. Но мастер забыл главное правило: если ты создаешь эмоцию из сахара, пектина и эссенции памяти, эта эмоция обретает волю. Грусть хочет грустить вечно. Злость ищет объект. А абсолютное забвение панически боится быть забытым. Оно поглощает своего творца, чтобы навсегда остаться единственным хранителем секрета.

Ян шагнул ко мне. Его лицо начало плавиться, черты смазывались, превращаясь в ту самую перламутровую массу. Комната качнулась. Запах озона стал невыносимым. Я почувствовал, как мои собственные воспоминания — лицо жены, номер нашей первой квартиры, вкус утреннего кофе — становятся ватными, отдаляются, затягиваясь сахарной пленкой.

Удар. Еще один. Это билось мое собственное сердце, разгоняя кровь. Детектив инстинктивно выхватил из кармана не удостоверение, а старый свинцовый грузик, который носил с собой со времен службы в полиции — талисман против морока. Сжал его так, что металл обжег ладонь. Физическая боль всегда отрезвляет лучше любой логики.

Я выстрелил в пульт управления центрифугой. Раздался хруст пластика и сноп искр. Машина взвыла. Перламутровая масса внутри вскипела, пытаясь выбраться наружу. Стекло треснуло. Липкая волна цвета грозового неба хлынула на пол, прожигая плитку. Воспоминания вернулись резкой, звенящей болью.

Бросившись мимо растворяющегося силуэта Яна вверх по лестнице, я выбил плечом дубовую дверь магазина. Сирена сигнализации утонула в шуме дождя. Я бежал по ночному Старому городу, глотая холодный воздух, чувствуя, как легкие горят от кислорода, а не от сахара.

Через час Старый город просел. Подвалы «Мармеладной гильдии» обрушились, увлекая за собой два соседних доходных дома. Официальная версия — взрыв бытового газа из-за изношенных труб довоенной постройки. Никто не задавал лишних вопросов. Город быстро забывает свои руины.

Неделю спустя я сидел в своем кабинете, когда курьер принес посылку. Внутри лежала жестяная коробка, перевязанная черной лентой. Никакой записки. Я открыл ее. На дне, в гнезде из черного бархата, лежал единственный кубик мармелада. Цвета запекшейся крови. Тот самый. «Ностальгия по несбывшемуся».

Аромат ударил в нос мгновенно, опережая разум. Пыль старой библиотеки. Шорох страниц. Тихий смех женщины, которую я потерял двадцать лет назад и имя которой сегодня утром стерлось из моей памяти, оставив после себя лишь глухую, сосущую пустоту. И сожаление о несказанных словах, ставшее вдруг таким острым, что перехватило дыхание.

Кубик пульсировал на бархате, испуская слабое тепло. Он выжил. Абсолютное забвение нашло новый способ хранить свои секреты. И оно очень хотело, чтобы его наконец попробовали. Кубик начал медленно таять, хотя в комнате было прохладно, источая запах, от которого защипало в глазах. Моя рука сама потянулась к ложке, лежавшей в ящике стола.

Ложка так и осталась лежать в ящике. Я захлопнул его с такой силой, что задребезжали стекла. Пульсация кубика на бархате ускорилась, подстраиваясь под ритм моего зашедшегося сердца. Двадцать лет пустоты схлопнулись в одну звенящую точку — имя «Анна». Оно вернулось вместе с болью, острой, как осколок того самого стекла из подвала.

Я сорвал трубку дискового телефона. — Управление полиции? Говорит Воронов... То есть, частный детектив Соколов. Соедините с майором Кречетовым. Срочно. Дело о взрыве газового оборудования в Старом городе. У меня новые данные по химическому составу. Это была ложь. Единственная защита от наваждения. Пока я говорил казенными фразами, фиксируя реальность на бумаге протокола, сахарные чары немного отступили. Майор обещал прислать наряд для изъятия улики. Положив трубку, я накрыл коробку тяжелым латунным пресс-папье. Бархат под ним перестал пульсировать.

Но запах никуда не делся. Он просачивался сквозь дерево, сквозь запах застарелого табака и дешевого одеколона, которым я пытался заглушить похмелье последние пять лет. Запах Анны. И мармелада «Абсолютное забвение».

Секрет не погиб вместе с Арсением Вороновым. Формула просто сменила носителя. Ян был прав: душа здесь заменяла катализаторы. Но чья это была душа теперь? Арсения, растворенного в перламутре? Или моя собственная, которую коктейль из озона и карамели вытащил сегодня из руин?

В дверь кабинета постучали. Не властно, как полиция, а деликатно, костяшками пальцев, привыкшими держать серебряную ложку. На пороге стояла женщина. Та самая наследница кондитерской империи, чей голос дрожал неделю назад. Только сейчас она не выглядела испуганной старухой. Спина прямая, седые волосы уложены в безупречный узел, на пальцах — фамильные бриллианты. Она пахла деньгами, формальдегидом и лавандой. — Вы не ответили на мой звонок, господин Соколов, — сказала она, проходя внутрь без приглашения. Ее взгляд упал на стол, где под пресс-папье угадывались очертания коробки. — Оставьте. Я пришла забрать свое. — Вашего больше нет, — хрипло ответил я. Горло снова перехватило сладостью. — Есть только государственное дело об обвале зданий. А это — вещественное доказательство. — Не лгите мне, — она улыбнулась, но ее глаза остались мертвыми. — Мой брат был сентиментальным глупцом. Он спрятал копию формулы в самом очевидном месте. В первом вкусе. Тот кубик, который вы взяли со стойки перед спуском в подвал... «Ностальгия по несбывшемуся». Помните свои ощущения? Это был ключ. Тест на совместимость. Лаборатория внизу была лишь инкубатором. Настоящее производство всегда было здесь, — она коснулась пальцем своего виска. — И теперь оно активировано в вас.

Она обошла стол. Латунь тускло блеснула в свете лампы. Женщина знала, что я не смогу выстрелить. Потому что формула уже начала переписывать мои нейронные связи. Чтобы защитить секрет, мозг создаст любые иллюзии, вызовет полицию, убедит себя в чем угодно — лишь бы не дать чужой руке уничтожить сосуд. — Моя семья торговала этим веками, — продолжила она тише. — Сначала мы добавляли толченую белладонну в конфеты для неверных мужей. Потом опиум для скучающих дам. Арсений довел искусство до абсолюта. Но он хотел денег. А я хочу контроля. Дайте мне коробку, и ваш контракт будет закрыт. Плюс премия, которая позволит вам уехать на другой конец света и забыть обо всем. — Контракт расторгнут, когда вы сказали про военных, — процедил я, медленно отодвигая ящик стола, где лежал пистолет. — Забвение — это оружие массового поражения. — Оружие требует стрелка, — парировала она. — А вы, господин Соколов, идеальная винтовка. Человек, которому нечего терять, кроме воспоминаний, которые его же и убивают. Вы ведь почти нажаловались на тот кубик в кабинете. Я видела это по вашим глазам.

Ее рука метнулась к пресс-папье быстрее моей мысли. Холодный металл царапнул столешницу. Вместо того чтобы схватить пистолет, я резко толкнул кресло на колесиках ей

навстречу. Женщина пошатнулась. Этого мгновения хватило. Я бросился не к двери, а к окну, выходящему во внутренний колодец двора.

Стекло разлетелось вдребезги, осыпав мостовую острыми слезами. Я прыгнул, прижимая коробку к груди, и приземлился в мокрый мусорный бак. Ребра хрустнули. Воздух выбило из легких. Внизу, в переулке, уже визжали тормоза полицейского уазика — наряд, вызванный мной минуту назад, подъехал с черного хода.

Выбравшись из бака, хромая, я двинулся прочь от сирен. Коробка жгла руки даже через пиджак. Я чувствовал, как внутри нее меняется температура. Мармелад просыпался. Он больше не хотел быть оружием или товаром. Эмоция, запертая в нем, обрела волю. Мое собственное абсолютное забвение хотело жить. Оно требовало жертвы, чтобы закрепить структуру.

Я завернул в старую городскую котельную, давно заброшенную. Здесь пахло ржавчиной, углем и холодной водой — антиподом приторного магазина. Опустившись на колени возле глубокого дренажного люка, ведущего прямо в подземную реку, я поднял крышку. Из бездны тянуло ледяной сыростью.

— Прости, Анна, — прошептал я, глядя на светящийся кубик сквозь щель в коробке. — Тебе придется утонуть дважды. И разжал пальцы.

Тяжелый свинец пошел ко дну мгновенно, увлекая за собой бархат и стекло. Раздался тихий всплеск, и темная вода сомкнулась над тайной «Мармеладной гильдии».

Я сидел на краю люка, пока полицейские фонари не перестали шарить по стенам котельной выше по течению. Боль в ребрах стала тупой и понятной. Имя «Анна» все еще горело в сознании, но теперь оно было просто словом. Набором букв. Связанная с ним картинка — ее смеющееся лицо на фоне осеннего парка — покрылась серым пеплом, словно старая фотография в пожаре. Я помнил факт существования любви, но саму любовь выплюнуло вместе с адреналином прыжка в окно.

Прошло три месяца. Старое здание в центре города выкупила сеть кофеен. На месте рухнувших домов разбили аккуратный сквер. Официальное следствие зашло в тупик: тело Арсения Воронова так и не нашли под завалами, а анализы почвы ничего подозрительного не показали. Газовая версия устроила всех.

Моя контора закрылась. Страховка покрыла ущерб от окна, а сбережений хватило на то, чтобы арендовать крошечную лодочную станцию на окраине, у заросшего тиной канала. Теперь я выдавал напрокат весельные лодки туристам. Руки привыкли к мозолям от весел, а не к пыли старых архивов. Каждый день я принимал сильнодействующие анальгетики — подарок от щедрого государства за молчание о том, чего официально не существовало. Врачи говорили, что фантомные боли после падения пройдут. Они ошибались. Болела не грудь. Болела память, пытаюсь нарастить мясо на выжженную пустоту.

Сегодня воскресенье. Туристов мало. Я сижу на причале, опустив ноги в зеленоватую воду, и смотрю на поплавок старой удочки. Клева нет, да я и не насаживал червяка. Удочка нужна для антуража.

По воде плывет кусок пенопласта. К нему прилип маленький, идеально ровный кубик цвета запекшейся крови. Его прибивает течением прямо к моим сапогам. Он лежит на грязной подошве, глянцевый, источающий слабый аромат озона и той самой библиотечной пыли.

Я наклоняюсь. Кубик холодный. Идеальный. Абсолютный. Где-то в глубине сознания слабо трепыхается мысль: нужно бросить его обратно в ил. Сжечь. Позвонить тому самому майору Кречетову.

Но другая часть меня, та, что отвечает за выживание и тишину в черепной коробке, берет верх. Эта тишина куплена дорогой ценой. Я не хочу вспоминать ни Анну, ни падение из окна, ни липкую массу, переваривающую человека.

Я осторожно снимаю кубик кончиками пальцев. Подзываю жирного речного кота, который ошивается у станции в ожидании рыбы, и бросаю мармелад ему. Кот ловко хватает добычу, урчит и скрывается в камышах.

Тайна надежно похоронена. Я возвращаюсь к своей удочке. Вода в канале спокойна. Солнце печет затылок. Я абсолютно, непоправимо счастлив. По крайней мере, до следующего воскресенья.

Следующее воскресенье наступило слишком быстро.

Кот сдох во вторник. Его раздутое фиолетовое тело мальчишки выловили сетью у старой плотины. Ветеринар на выезде только развел руками: острая почечная недостаточность, такое бывает у уличных животных, возраст, токсины из канала. Но я видел его пасть. Зубы кота были склеены застывшим рубиновым сиропом, а в остекленевших глазах отражалось небо цвета грозовой тучи.

Формула не утонула. Речная вода лишь ускорила процесс ферментации. «Абсолютное забвение» научилось путешествовать.

В четверг ко мне на лодочную станцию приехал майор Кречетов. Без формы, в помятом плаще, от которого пахло валерьянкой и плохим кофе. Он тяжело опустился на скамейку, глядя на мои руки. — Пальцы, — хрипло сказал он. — У тебя дрожат пальцы, Воронов. Или Соколов. Как там тебя теперь. — Соколова больше нет, — ответил я, не отрывая взгляда от поплавок. — Есть владелец станции проката номер четыре. Лицензия в порядке, налоги уплачены. Что нужно полиции? — Полиции нужен человек, который три года назад чуть не сорвал операцию по внедрению агента под прикрытием в картель фальшивых фармацевтов. Тот парень провалил тест на полиграфе. Выдавал себя за другого. А потом выяснилось, что настоящий агент исчез, а вместо него ходит пустышка с чужими воспоминаниями. Мы подняли архивы. Твоя экспертиза по делу о взрыве в Старом городе. Там был абзац про нейрхимию памяти.

Я почувствовал, как холодеет затылок. Майор не знал про мармелад. Для него это было дело об идеальном психотропном препарате, газе или инъекции. Но он шел по следу формулы так же верно, как гончая. — Это была рабочая гипотеза, — соврал я. — Ее закрыли вместе с делом. Газ промыл мне мозги, Кречетов. Я сейчас помню таблицу умножения через день. Оставь меня в покое. — Не могу. — Он достал из внутреннего кармана плаща прозрачный зип-пакет. Внутри, на дне, лежал крошечный кубик. Цвета запекшейся крови. Слишком знакомый. — Нашли сегодня утром. В желудке утопленника. Бездомного. Он захлебнулся в двух метрах от берега, хотя умел плавать. Врачи говорят, перед смертью он впал в эйфорию. Улыбался. А когда санитары попытались закрыть ему глаза, глазные яблоки рассыпались в пыль. Как пересоший сахар.

Кубик в пакете слабо пульсировал в такт ударам моего сердца. Запах озона начал просачиваться сквозь пластик. Мое имя «Анна», которое я так старательно утрамбовывал в пепел последние месяцы, вспыхнуло в голове неоновой вывеской. Вспомнилась родинка на ее левой ключице. Звук ее смеха. Причина нашей ссоры накануне того дня, когда она ушла навсегда. Боль ударила под ребра так сильно, что я пошатнулся. Лодочная цепь звякнула, выскользнув из ослабшей руки.

— Откуда оно берется? — спросил Кречетов, кивая на пакет. — Кто-то открыл подпольную лабораторию? Мне нужны имена. — Если бы у меня были имена, я бы сам их съел, чтобы забыть, — выдавил я. — Дай сюда.

Я взял пакет. Пластик обжигал пальцы холодом, но содержимое внутри было обжигающе теплым. Идея пришла внезапно, грязно и отчаянно. Единственный способ остановить эпидемию, которая расплзалась по городу через воду, животных и случайных бродяг. — Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Пойдем. Я знаю, где корень. Но тебе это не понравится.

Мы спустились в мой закуток под станцией — сырую комнатуху с единственным зарешеченным окном. На столе стоял старый армейский примус и жестяная коробка из-под леден-

цов. — Где основной резервуар? — Кречетов положил руку на кобуру. — Где они его варят? — Нигде, — я щелкнул зажигалкой, запуская синий огонек под днищем примуса. — Формула автономна. Она размножается делением вкуса. Чтобы остановить цепную реакцию, нужно уничтожить первоисточник. Матричную эмоцию. Я расстегнул рубашку. Кожа на груди до сих пор имела странный перламутровый оттенок — побочный эффект прыжка из окна котельной. Под кожей, прямо над левым предсердием, медленно пульсировало уплотнение размером с голубиное яйцо. Оно светилось сквозь кожу мягким розовым светом. «Ностальгия по несбывшемуся». Та самая первая доза, которую я попробовал в магазине Яна. Она не растворилась. Она проросла сосудами вросла в мою сердечную мышцу, превратив главный насос организма в инкубатор. — Они сделали меня ульем, — пояснил я, наблюдая, как расширяются зрачки майора. — Каждый раз, когда мое сердце качает кровь, микроскопические споры попадают в систему водоснабжения города через пот. Через дыхание. Кот пил из канала. Утопленник, вероятно, просто глубоко вдохнул туман над водой. Арсений хотел создать оружие, а создал идеальный вирус бессмертия через потерю личности. — Ты... ты носишь это в себе? И пришел ко мне жаловаться на память? — Кречетов медленно отступил на шаг, его лицо посерело. — Я пришел вернуть улику. Замкнуть цикл.

Я бросил зип-пакет на раскаленную решетку примуса. Сахар мгновенно почернел, издав тихий, почти музыкальный звон, и превратился в каплю черного стекла. А затем я схватил со стола разделочный нож для рыбы. Сталь блеснула тусклым светом. — Что ты делаешь?! — рывкнул майор, бросаясь ко мне. — Спасая город, — прохрипел я. — Чтобы убить растение, нужно вырвать корень. Моя кровь теперь — сахарный сироп. Когда сердце остановится, производство прекратится. Забвение умрет вместе со мной.

Кречетов понял. Профессиональный цинизм полицейского боролся в нем с базовым инстинктом выживания, но долг победил. Он перехватил мою руку с ножом, выворачивая сустав. Мы рухнули на пол, опрокидывая стол. Примус зашипел и погас, погрузив комнату в полумрак, разгоняемый лишь моим собственным свечением. — Дурак! — рычал майор мне в лицо, заламывая локоть. — Самоубийство не поможет! Нужен антидот! Ученые! — Нет никакого антидота! — крикнул я, чувствуя, как ногти Кречетова впиваются в мое горло. — Потому что болезнь вкуснее здоровья! Просто уйди, пока твоя воля еще слаще твоей службы!

Он на секунду замешкался. Этого хватило. Свободной рукой я дотянулся до тяжелого латунного пресс-папье, того самого, со своего старого стола. Удар пришелся майору точно в висок. Хрустнуло. Кречетов обмяк, повалившись на меня тяжелым мокрым мешком.

Я выбрался из-под него. Свечение под моей кожей стало невыносимо ярким, прожигая сосуды. Имя «Анна» кричало внутри черепа всеми голосами ада. Я вспомнил всё. Каждую секунду. Эта ясность была мучительнее любой пытки.

Выход к каналу был завален старыми крышками. Я расшвырял их, разбив костяшки в кровь, которая казалась мне жидким медом. Вода внизу была черной и маслянистой.

Идеальный финал детективной истории должен быть чистым. Преступление раскрыто, злодей мертв, тайна уничтожена. Но детективы всегда забывают спросить главного свидетеля: хочет ли тайна быть уничтоженной?

Я посмотрел на свои ладони. Они больше не дрожали. Эмоция достигла пика концентрации. «Абсолютное забвение» больше не хотело забывать. Оно хотело *быть*. Быть вечным. Чтобы выжить, ему нужна была новая жертва, новый носитель, чья воля слабее моей. Кто-то, стоящий на берегу. Кто-то, кто уже потерял слишком много.

Я поднял взгляд. На противоположной стороне канала, прислонившись к ржавому фонарному столбу, стояла женщина. Седые волосы растрепал ветер. На ней был тот самый бежевый костюм, в котором она приходила в контору. Наследница кондитерской империи улыбнулась мне и сделала легкий поклон. В руках она держала серебряную ложечку.

Мое сердце пропустило удар. Спазм сжал легкие. Я чувствовал, как формула готовится покинуть умирающий носитель, превращаясь в невидимую сладкую взвесь над водой. Стоит мне сделать вдох поглубже, прыгнуть в канал, создавая брызги...

Или стоит просто выдохнуть в сторону берега.

Я набрал полную грудь вонючего речного воздуха. На языке таял фантомный вкус абрикоса из Прованса. Женщина на той стороне нетерпеливо постукивала ложечкой по зубам. Город ждал своего нового хранителя рецепта.

Я не выдохнул.

Вместо этого я шагнул к кромке воды, наклонился и зачерпнул полную пригоршню черной жижи со дна. Ил пах гнилью, дизельным топливом и мокрым металлом. Идеальная маскировка.

Женщина на той стороне перестала стучать ложечкой. Ее улыбка застыла, превратившись в безгубый оскал фарфоровой куклы. Она поняла мой маневр раньше, чем я сам осознал его до конца. «Абсолютное забвение» — вирус гордыни. Он презирует грязь. Оно хотело переселиться в чистый сосуд, достойный вечности. А я собирался похоронить его в канализационной слизи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.